

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Морин Чайлд
ЖЕНИХ ТОЛЬКО
НА СЛОВАХ

287

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Соблазн – Harlequin

Морин Чайлд

Жених только на словах

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Чайлд М.

Жених только на словах / М. Чайлд — «Центрполиграф»,
2017 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08364-7

Келли и Мика совсем не похожи друг на друга и живут в разных мирах. Им обоим не нужны отношения. Но однажды они объявляют о помолвке — а все потому, что Келли хочет подарить своей бабушке полгода спокойной жизни. Ведь та не отстанет, пока Келли не выйдет замуж. Почему же богатый и знаменитый писатель Мика Хантер решил помочь неприметной вдове? Что им движет — доброта или расчет? А может, любовь?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08364-7

© Чайлд М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Морин Чайлд

Жених только на словах

Глава 1

– Прости, – сказал Мика Хантер. – Ты мне правда очень нравишься, но тебе придется умереть.

Откинувшись на спинку стула, Мика пробежал взглядом по строчкам, которые только что написал. Вдохнул при мысли, что только что отправил на верную гибель одного из своих самых ярких персонажей, и захлопнул крышку ноутбука.

Он работал уже четыре часа кряду, давно пора сделать перерыв.

– Проблема в том, – пробормотал Мика, подходя к окну, – что пойти некуда.

Он лениво вытащил мобильный, набрал номер и секунду-другую подождал соединения. Наконец на том конце линии откликнулся мужской голос.

– Как только я позволил тебе уговорить меня приехать сюда на целых полгода?

Сэм Хэллман рассмеялся.

– Я тоже рад тебя слышать, приятель.

Разумеется, его лучший друг забавлялся сложившейся ситуацией. Черт, если бы кто-то другой застрял в маленьком американском городке, он бы тоже, наверное, посмеялся. А так он не видит в этой ситуации ровным счетом ничего забавного. Мика запустил руку в волосы и уставился на так называемый вид из окна. Дом, который он снимал, был настоящим викторианским особняком, стоящим на широкой улице, вдоль которой росли гигантские, вероятно, очень старые, деревья, ныне покрытые золотыми и красными листьями. Лазурно-голубое небо, осеннее солнце, vyplывающее из густых белых облаков. И тишина. Такая тишина, что просто жутко становится.

А поскольку Мика был известным автором нашумевших триллеров, он неплохо разобрался в видах жути.

– Ну, правда, Сэм. Я застрял здесь еще на четыре месяца, а все потому, что ты уговорил меня подписать договор аренды.

Сэм рассмеялся:

– Ты застрял здесь потому, что никогда не мог отказаться от вызова.

Грубо, но верно. Никто лучше Сэма не знает об этом. Они ведь знакомы с детства, вместе служили на одном корабле ВМС США.

Сэм сбежал от ожиданий своей состоятельной семьи, а Мика – от прошлого, в котором были приемные родители, ложь и нарушенные обещания. Они нашли друг друга и оставались на связи, пока обоих не призвали на службу.

Затем Сэм вернулся в Нью-Йорк, в литературное агентство, основанное его дедом, обнаружив, что на самом деле хочет быть частью семейного бизнеса. Мика брался за любые строительные работы, которые мог найти, а все свободное время отдавал написанию романа.

Уже в детстве он знал, что хочет стать писателем. А когда наконец начал писать, ему казалось, что слова ложатся на бумагу слишком медленно. Он засиживался за полночь, растворяясь в истории, разворачивающейся на экране компьютера. Заканчивая первый роман, он чувствовал себя как чемпион по бегу на длинные дистанции – истощенным, удовлетворенным и исполненным триумфа.

Он отправил роман Сэму, который тут же предложил миллион способов улучшить его. А кому понравятся такие советы, если выстраданное детище и так кажется великим? Но Мика был так настроен на достижение цели, что все же внес большинство правок. В результате книга

была распродана моментально, а Мика получил скромный аванс, которым гордился больше всего.

Эта книга стала предвестником грядущего успеха. Второй роман, восторженные отзывы о котором передавались из уст в уста, стал сенсацией и ураганом ворвался в списки бестселлеров. Мика еще не понял этого, а его мечты уже сбылись. С тех пор Сэм и Мика работали вместе и стали чертовски неплохой командой. Но как раз из-за того, что они были так близки, Сэм прекрасно знал, как подставить Мику.

– Ты мне мстишь за то, что я прошлой зимой обошел тебя в сноуборде, верно?

– Разве я способен на подобную мелочность? – смеясь, спросил Сэм.

– Вполне.

– Ну... возможно, – согласился Сэм. – Но ты ведь согласился на это. Жить в маленьком городке полгода.

– Да. – Насколько это может быть плохо? Мика помнил, как задавался этим вопросом, прежде чем подписать договор аренды с владелицей дома Келли Флинн. Сейчас, спустя два месяца проживания в нем, Мика мог ответить на этот вопрос.

– Ну и потом, действие книги, над которой ты работаешь, разворачивается в провинциальном городке. Теперь ты знаешь о них не понаслышке, и это не так плохо.

– Ты о Гугле когда-нибудь слышал? – рассмеялся Мика. – И потом, я пишу об Атлантиде, как я могу его изучать отсюда?

– Не в этом дело, – сказал Сэм. – Суть в том, что дом, в котором ты сейчас живешь, понравился нам с Дженни, когда мы были в городе пару лет назад. Баннер, конечно, маленький город, но здесь хорошо готовят пищу.

Да, с этим он согласен. Телефонный номер пиццерии он выучил наизусть.

– Как я уже говорил, через месяц ты почувствуешь себя иначе. Начнешь наслаждаться видом заснеженных горных вершин, – продолжил Сэм.

Мика не был в этом уверен. Но не мог не признать, что дом, в котором он живет, великолепен.

Он оглядел комнату на втором этаже, которую сделал своим временным офисом. Потолки высокие, сама комната – просторная, а вид из окна на горы – потрясающий. Дом в целом обладает собственным стилем, который ему очень нравится, но будь он проклят, если не ощущает себя привидением, бродящим по комнатам особняка. У него никогда еще не было столько пространства в распоряжении, и иногда его это пугало.

Черт, в городе – любом городе – есть огни. Люди. Шум. А здесь по ночам невероятно темно и тихо. Даже во флоте, на палубе корабля, было достаточно огней и света звезд в ночном небе. Но Баннер, штат Юта, включен в международный список мест с темным небом, потому что находится прямо за горным хребтом, который заслоняет огни Солт-Лейк-Сити.

Здесь ночью можно посмотреть на небо и увидеть Млечный Путь и взрыв звезд – прекрасная и вместе с тем уничижающая картина. Он никогда не видел такого небосвода и был готов признать, что его красота скрашивает недостатки пребывания на задворках мира.

– Как книга? – внезапно поинтересовался Сэм. Смена темы разговора на мгновение сбила его с толку, но Мика был благодарен другу за это.

– Хорошо. На самом деле я только что прикончил пекаря.

– Кошмар. Мне нравился этот милый парень, – рассмеялся Сэм. – И как все произошло?

– Ужасно, если честно. Убийца утопил его в чане с кипящим маслом для пончиков.

– Черт, чувак... это отвратительно, – вздохнул Сэм. – Я теперь не смогу есть пончики.

Приятно было узнать, что убийство, которое он только что описал, задевает за живое.

– Клянусь, это ненадолго, – пообещал Мика.

– Редактора, возможно, стошнит, но твоим поклонникам должно понравиться, – уверил его Сэм. – Кстати, о поклонниках. Никто еще не объявился?

– Нет. Но это вопрос времени. – Нахмурившись, он выглянул в окно и проверил улицу, отчасти ожидая увидеть кого-нибудь с камерой, мечтающего снять его.

Одна из причин, по которым Мика никогда долго не сидел на одном месте, заключалась как раз в том, что его самые преданные фанаты преследовали его. Они объявлялись в любом отеле, где он останавливался, уверенные, что он будет счастлив их видеть. Большинство были безобидны, но Мика знал, что фанат может в мгновение ока превратиться в фанатика.

В коридорах отелей с ним всегда кто-то разговаривал, за обедом также мог кто-то присоединиться, причем эти люди вели себя так, словно они его старые друзья. Благодаря социальным сетям кто-нибудь всегда рассказывал, где он находится. Так что он менял отели после каждой книги, всегда останавливаясь в больших городах, где можно было затеряться в толпе и жить в пятизвездочных отелях с охраной.

До этого раза.

– Никто не будет тебя искать в крошечном городке в горах, – подбодрил его Сэм.

– Именно так я и думал, когда остановился в швейцарском отеле, – напомнил Мика другу. – Пока тот парень не пришел бить мне морду за то, что его подружка в меня втюрилась.

Сэм снова рассмеялся, а Мика просто покачал головой. Ну ладно, сейчас это смешно, но ему бы не хотелось повторения подобной ситуации.

– Возможно, это лучшее, что ты мог сделать, – сказал Сэм. – Жить в Баннере, к тому же в доме, а не в отеле – отличная идея. Это отведит всех твоих преследователей.

– Возможно. Вместе со мной. Здесь так чертовски тихо.

– Хочешь, пришлю тебе звуки дорожного движения на Манхэттене? Будешь включать, когда пишешь.

– Очень смешно, – сказал Мика, не желая признаваться самому себе, что идея не так уж плоха. – И почему я тебя не уволил?

– Потому что я сделал нас обоих толстосумами, дружище.

– Точно. Я знал, что на это должна быть какая-то веская причина.

– Ну, и еще потому, что я обаятельный, забавный и чуть ли не единственный человек в мире, готовый мириться с таким дерьмовым отношением.

Мика расхохотался. Сэм был прав. С самого начала, когда они встретились на авиалайнере, на котором оба служили, Сэм предложил ему дружбу – то, чего у Мики никогда не было. Когда Мика рос в приемной семье, они часто переезжали с места на место, и он просто не успевал ни с кем подружиться. Что, вероятно, было к лучшему, поскольку он все равно не смог бы сохранить друзей, учитывая все эти чертовы переезды.

Так что он ценил присутствие Сэма в своей жизни, даже когда этот человек дьявольски доставал его.

– Здорово, спасибо.

– Нет проблем. Ну а что ты думаешь о своей хозяйке?

Нахмурившись, Мика осознал, что старательно избегает мыслей о Келли Флинн. Получалось не очень, но он продолжал работать над этим.

Последние несколько месяцев он делал все, чтобы держаться от нее на расстоянии, и все потому, что на самом деле отчаянно желал приблизиться. Но ему не нужна интрижка. Ему нужно спокойно прожить здесь еще четыре месяца. Если он закрутит с Келли роман, это только все усложнит.

Если это будет секс на одну ночь, она обидится, и ему придется иметь с этим дело еще четыре месяца. Если роман затянется, она будет посягать на его время, посвященное работе, и строить планы на будущее, которого не будет. А ему не нужны драмы. Все, что ему нужно, – время и место для работы над новой книгой. Закончив ее, он уберется из этого крошечного городишки и вернется в цивилизованный мир.

– Хм, – задумчиво произнес Сэм. – Тишина. Это говорит о многом.

– Да ни о чем, – возразил Мика, пытаясь убедить одновременно и себя, и Сэма. – Ничего не происходит.

– Ты больной?

– Что?

– В смысле, да ладно, – сказал Сэм, и Мика представил, как тот откинулся на спинку стула и, может, посмотрел на Манхэттен в окно. – Черт, – продолжил Сэм, – вот я женат, но я обратил на нее внимание. Она прекрасна, но, если ты скажешь об этом Дженни, я буду отпираться.

Покачивая головой, Мика посмотрел в окно и увидел Келли, работающую во дворе. Эта женщина никогда не отдыхает. Всегда двигается, делает что-то. У нее всегда много дел, а сегодня явно появилось время заняться опавшими листьями. Келли нагрузила тележку сразу несколькими мешками с листьями и повезла ее со двора.

Ее длинные рыжевато-золотистые волосы были собраны в конский хвост. Сегодня она надела темно-зеленую кофту и джинсы, обтягивающие ее длинные стройные ноги. Черные перчатки закрывали руки, черным ботинкам явно было много лет. И хоть она стояла к нему спиной, он легко мог представить ее лицо. Мягкая сливочная кожа, усыпанные веснушками нос и щеки. Зеленые глаза, в уголках которых появлялись морщинки, когда она смеялась, и пухлые чувственные губы, при виде которых Мика всегда гадал, как она целуется.

Мика смотрел, как Келли разгружает тележку и машет рукой соседям через улицу. Он знал, что она при этом улыбается. Он намеренно повернулся спиной к окну, выбросил образ Келли из головы и вернулся за стол.

– Да, она хорошенькая.

Сэм рассмеялся:

– Сколько энтузиазма в твоем голосе!

Да уж, энтузиазма хватает. Даже слишком. В этом-то и проблема.

– Я же здесь не женщину ищу, Сэм. Я здесь работаю.

– Печально это слышать.

С этим он не мог не согласиться.

– Спасибо. Так зачем ты мне снова звонишь?

– Черт, тебе точно нужна передышка. Это же ты мне позвонил. Не помнишь?

– Верно. – Он провел рукой по волосам. Может, ему действительно пора взять паузу. Последние два месяца он работал нон-стоп. Неудивительно, что даже в его просторной комнате у него началась клаустрофобия. – Хорошая идея. Проедусь, пожалуй. Проветрю голову.

– Пригласи хозяйку, – продолжал настаивать Сэм. – Она может показать тебе окрестности, ты ведь сам вряд ли хоть раз ушел далеко от дома за все это время.

– Угадал. Но мне не нужен гид.

– А кто нужен?

– Я дам тебе знать, когда пойму, – сказал Мика и нажал отбой.

– Что поделявает известный писатель?

Келли улыбнулась соседке. Салли Хартсфилд была самым шумным созданием на планете. Она и ее сестра Марджи были старыми девами, разменявшими девятый десяток, и большую часть времени они проводили, глядя в окно и наблюдая за происходящим вокруг.

– Думаю, работает, – ответила Келли, кинув взгляд на окно второго этажа, где незадолго до этого видела силуэт Мики. Сейчас его не было видно, и она почувствовала краткий укол разочарования. – Он сказал мне, когда заселялся, что намерен погрузиться в работу и не хочет, чтобы его беспокоили.

– Хм, – сказала Салли, тоже бросив взгляд на окно. – Знаешь, от его последней книги меня мучили ночные кошмары. Интересно, каково ему быть все время одному и при этом писать такие мрачные, пугающие вещи.

Келли не могла не согласиться. Она прочла только одну из семи книг Мики, и та напугала ее так сильно, что она спала с включенным светом две недели. Когда она читала книги, ей хотелось обрести надежду на лучшее, а не погрузиться в ужас неизвестности.

– Думаю, ему так нравится.

– Что ж, все люди разные. И слава богу. Представляешь, как скучна была бы жизнь, если бы все были одинаковые? – Салли покачала головой, но ее щедро залитые лаком кудряшки даже не шелохнулись. – Не о чем было бы поговорить.

И это был бы настоящий стыд-позор в понимании Салли. Эта женщина и камень могла бы разговорить.

– Симпатичный мужчина, правда? – сказала Салли с блеском в глазах.

Симпатичный? О, Мика Хантер намного больше, чем просто симпатичный. На портрете в книге он был мрачный и задумчивый – вероятно, это было сделано намеренно, учитывая, в каком жанре он писал. Но при личном общении в нем открывается намного больше очарования. Густые каштановые волосы всегда немного встрепаны, как будто он только-только встал с постели. Глаза насыщенного кофейного цвета. А когда он забывает побриться день-другой, отросшая щетина делает его похожим на пирата.

Широкие плечи, узкие бедра и высокий рост – причем настолько высокий, что даже Келли со своими пятью футами восемью дюймами чувствовала себя рядом с ним миниатюрной. Мика Хантер – один из тех мужчин, которым достаточно просто войти в комнату, чтобы привлечь всеобщее внимание, независимо от того, хочет он этого или нет. Келли казалось, что каждая женщина, знакомая с Микой, втайне мечтает о нем. Даже, похоже, Салли Хартсфилд.

– Симпатичный, – наконец подтвердила Келли, заметив, что Салли уставилась на нее в ожидании.

Пожилая женщина вздохнула и уперла руки в бока.

– Келли Флинн, что с тобой не так? Твоего Шона нет уже четыре года. Если бы мне было столько же лет, сколько тебе...

Келли окаменела, услышав имя своего покойного мужа. Салли, должно быть, заметила ее реакцию, потому что тут же прекратила свою речь, улыбнулась и, хвала небесам, сменила тему.

– Я тут слышала, что ты будешь показывать Полк-плейс паре из Калифорнии.

Впечатленная и немного раздосадованная, Келли уставилась на пожилую даму. Честно говоря, она договорилась об этой встрече только вчера.

– Откуда вы знаете?

– О, у меня свои каналы.

Келли всегда подозревала, что у ее престарелых соседок есть целая армия шпионов по всему Баннеру, и только что укрепилась в своих подозрениях.

– Что ж, вы правы, Салли, так что я лучше пойду подготовлюсь. Надо принять душ и переодеться.

– Конечно, дорогая, поспешите. – Она снова посмотрела на окно, но Мики не было видно, и Келли заметила разочарование на лице старушки.

Келли смотрела, как Салли переходит улицу. Ее яркие розовые кроссовки практически сверкали на фоне опавших листьев, устилавших землю. Старые дубы, росшие по краям дороги, вытянули свои корявые ветви навстречу друг другу, создав над дорогой арку из золотисто-красных листьев.

Все дома были разные, от небольших коттеджей до величественного особняка в викторианском стиле, где выросла Келли. Всем было по меньшей мере сто лет, но здания были в хорошем состоянии, а газоны опрятны и ухожены. Люди часто останавливались в Баннере. Они рождались здесь, росли, женились, жили и умирали.

Такое постоянство всегда нравилось Келли. Она жила в городе с восьми лет, ее родители погибли в автокатастрофе. Она переехала в Баннер вместе с бабушкой и дедушкой и стала

центром их мира. Сейчас дедушка уже умер, а бабушка уехала во Флориду, оставив большой викторианский особняк Келли. Жить одной в огромном доме было глупо, и Келли сдавала его. Сама она жила в коттедже смотрителя.

В последние три года особняк редко пустовал, и если он не был занят отдыхающими, то становился излюбленным местом для свадеб, больших вечеринок, а в последний год задний двор даже стал площадкой для пикника девочек-скаутов. А каждый Хеллоуин она превращала особняк в дом с привидениями, украшая двор и фасад.

– Пора заняться этим, – сказала она сама себе. Уже 1 октября, и, если вовремя не начать, месяц пролетит незаметно и она ничего не успеет.

На полпути к коттеджу Келли увидела, как дверь особняка открывается и Мика выходит во двор. Ее сердце пропустило удар, внутри стало жарко. О боже. Ее мужа Шона не стало четыре года назад, и с тех пор она не особо ходила на свидания. Это, возможно, и объясняет ее чрезмерно эмоциональную реакцию на появление Мики.

Возможно.

На нем были черная кожаная куртка, черная футболка и черные джинсы. Черные ботинки завершали образ Опасного Мужчины, и, пока она восхищенно рассматривала весь наряд, ее сердце гулко билось, отзываясь эхом в ушах.

– Нужна помощь? – спросил Мика, кивнув в сторону тележки, которую она везла.

– Что? О... Нет. – Великолепно, Келли. Три. Отдельных. Слова. Может, попробуешь составить предложение? – Я имею в виду, она пустая и не такая уж тяжелая. Я просто везу ее на место.

– Хорошо. – Он спустился по широкой парадной лестнице к кирпичной дорожке, обрамленной яркими жизнерадостными хризантемами. – А я вот решил отдохнуть. Проедусь по окрестностям.

– После двух месяцев в Баннере? – улыбаясь, спросила она. – Да, наверное, пора.

Он сдержанно улыбнулся.

– Куда посоветуете завернуть по пути?

Она ненадолго задумалась.

– Куда бы вы ни повернули, везде будет красиво. Но если вам нужно конкретное направление, поезжайте через каньон к трассе 89. Там много стендов с продуктами. Можете прихватить мне пару тыкв.

Он наклонил голову и изучающе посмотрел на нее, на лице промелькнула и исчезла усмешка.

– Я разве сказал, что еду за покупками?

– Нет, – улыбнулась она. – Ну а вдруг?

Он вздохнул, посмотрел по сторонам, затем снова вернулся к ней взглядом.

– Или вы могли бы поехать со мной и прихватить свои тыквы.

– Хорошо.

Он кивнул.

– Нет, – сказала она. – Наверное, нет.

Мика нахмурился. Его немного раздражала роль зрителя, пока она спорила сама с собой. По выражению его лица Келли могла заключить, что на самом деле Мике не нужны попутчики. А она, само собой, хотела поехать. Хоть и не стоило бы. У нее действительно много дел, и поездка с Микой Хантером – не самое мудрое решение, учитывая, как он на нее действует. Но может ли она отказаться от шанса заставить его понервничать так же, как он заставляет ее?

– В смысле, конечно, – наконец сказала она. – Я поеду, но мне надо вернуться через пару часов, чтобы в полдень показать людям дом.

Брови Мики изогнулись в неподдельном изумлении.

– Гарантирую, вы не застрянете на два часа у стендов с тыквами. Так что? Едете?

Они встретились взглядами, и в глубине его карих глаз Келли прочла надежду, что она откажется. Разумеется, она дала единственно верный в этой ситуации ответ.

– Думаю, да.

Глава 2

– Зачем вы покупаете тыквы? У вас же свои растут.

Они уже были на полпути к цели. С обеих сторон узкой дороги возвышались горы. Высокие ровные сосны стояли тут и там, как роты солдат, а дубы, клены и березы, росшие среди них, кое-где разбавляли зелеными и яркими осенними брызгами однотонный фон.

– К тому же, – продолжил Мика, – разве эти чертовы штуковины не продают где-нибудь поближе?

Она повернулась и посмотрела на его профиль.

– Конечно, продают, но на стендах – самые большие.

Келли готова была поклясться, что слышала звук, с которым он закатил глаза. Но ей было все равно. Был чудесный осенний день, она ехала в роскошной машине, пусть даже чересчур быстро, и сидела рядом с шикарным парнем, который волновал ее кровь. И разве это не удивительно? За четыре года, прошедших со дня смерти ее мужа, Мика был первым мужчиной, от которого у нее в животе снова порхали бабочки. Она-то думала, они уже все умерли. Проблема лишь в том, что она не знает, радует ее их появление или нет.

Келли приоткрыла окно, впустив в салон холодный воздух. Осенняя морось окатила ее ледяным душем. Она посмотрела на Мику.

– А свои я выращиваю, чтобы раздавать соседским детям.

– А вы не можете что-то оставлять себе?

– Могу, но что в этом веселого?

– Веселого? – переспросил он. – Я видел, как вы пропалываете эти растения, обрезаете их и что там еще? Разве это весело?

– Для меня – да. – Ветер опустил волосы ей на лицо, и Келли пришлось откинуть их, чтобы посмотреть на Мику. – Кроме того, если бы я хотела научиться у кого-то веселью, то это были бы не вы.

Мика фыркнул.

– Если бы вы обратились ко мне, я бы показал вам что-нибудь поинтереснее тыкв.

В ее желудке что-то сжалось от скрытого намека, содержавшегося в этих словах, но Келли сделала глубокий вдох и взяла себя в руки. Он наверняка привык играть словами, превращающими женщин в липкое желе. Так что она не будет ему в этом потакать. Пока.

– Вы меня не убедили, – пожала она плечами. – Вы в городе уже два месяца, а за это время даже из дома едва ли выходили.

– Работа. Не время веселиться.

– Пустые отговорки, – пробормотала она себе под нос. Каждое слово, которое она вытягивала из него, казалось победой.

– Что?

– Ничего. Так что такое настоящее веселье, по-вашему?

Мгновение он размышлял и наконец ответил:

– Начнем с полетов на частном самолете.

– На вашем личном? – уточнила она.

Мика пожал плечами:

– Ну да, не люблю летать в толпе.

Келли коротко рассмеялась и вспомнила последний раз, когда она улетала из аэропорта Солт-Лейк-Сити. Самолет был переполнен, она сидела между болтливой женщиной, жаловавшейся на внуков, и бизнесменом, чей портфель бил ее в бедро всякий раз, когда он ерзал на кресле. Ну ладно, она готова допустить, что частный самолет – это неплохо.

– Разумеется. Что ж, ваш самолет... Что еще?

Он вел автомобиль по горной дороге, преодолевая крутые повороты, словно заправский гонщик. Если бы Келли позволила себе задуматься об этом, она бы ехала, вцепившись в сиденье. Так что она старалась не думать.

– Ну, сейчас октябрь, а в октябре я обычно езжу в Германию на Октоберфест.

Это было так далеко от ее привычной жизненной орбиты, что Келли просто не знала, что сказать. Однако было очевидно, что, разговаривавшись на интересные ему темы, Мика мог говорить без остановки.

– На фестивалях, подобных этому, интересно наблюдать за людьми.

– Да уж, готова поклясться, – пробормотала она.

Мика проигнорировал комментарий.

– Писатели любят наблюдать. За туристами. Аборигенами. Отношениями людей. Это дает идеи для работы.

– Например, подсказывает, кого убить?

– Среди прочего. Однажды я убил менеджера отеля в книге. Парень был редкостный осел, так что я с удовольствием избавился от него – по крайней мере, на бумаге.

Келли изумленно уставилась на него.

– Нет ли у вас планов прикончить вашу нынешнюю хозяйку?

– Пока нет.

– Это обнадеживает.

– В любом случае после долгих выходных в Германии я еду в Англию, – продолжил Мика. – В Оксфорде есть отель, который мне нравится.

– Не в Лондоне?

– В Оксфорде меньше людей, которые могут меня узнать.

– Это проблема для вас?

– Иногда.

Мика сделал такой резкий поворот, что Келли почти упала на него. Казалось, он и не заметил.

– Благодаря соцсетям мои фанаты преследуют меня. Это порядком раздражает.

Она могла это понять. Фото Мики на обложке притягивало к себе. Она и сама провела какое-то время, изучая его глаза, волосы, волевой подбородок.

– Может, вам стоит убрать свое фото из книг?

– Поверьте, я предлагал это. Но издатель не хочет.

Келли нечего было на это сказать. Ее никогда не преследовали незнакомцы, отчаянно желавшие приблизиться к ней. А самой дальней точкой, куда она летала, была Флорида, где жила ее бабушка. Англия? Германия? Это как-то не в ее стиле. Но она хотела бы полететь в Европу. Когда-нибудь. Однако это явно будет не частный самолет.

Она посмотрела на знакомый пейзаж за окном и почувствовала себя уверенней. Жизнь Мики так далека от ее, что от этого расстояния просто кружится голова.

– Когда-нибудь, – внезапно сказала она, глядя на его профиль, – я бы хотела поехать в Шотландию. Увидеть Эдинбургский замок.

– Он стоит того, – уверил он ее.

Разумеется, он и там был. Черт, да он, наверное, везде побывал. Неудивительно, что его не тянет выходить из дома. Что интересного может быть в Баннере, штат Юта? После мест, которые он посетил, ее родной городок наверняка кажется ему слишком скучным. Что ж, может, он и не соответствует высоким стандартам Эдинбурга или Октоберфеста в Германии, но она любит его.

– Учту на будущее, – сказала она. – А пока продолжу выращивать тыквы для детей. – Келли улыбнулась и отпустила зависть, все еще сжимавшую ее внутренности. – Мне нравится садоводство. Люблю смотреть, как пробиваются ростки, спеет виноград, тыквы становятся

больше и ярче. Люблю, когда дети проходят мимо по улице, выбирают свою тыкву, помогают поливать, полоть. Они становятся настоящими хозяевами своих тыкв.

– Да, – сказал Мика раздраженно. – Я слышу, когда они приходят.

Келли обратила внимание, что он ни на секунду не отводил глаз от дороги. Интересно, дело в том, что он хороший водитель или просто старается избегать ее взгляда? Наверное, последнее. За два месяца, что он жил в ее особняке, Мика Хантер в совершенстве освоил искусство избегать ее.

Конечно, он писатель, и он сказал ей при первой же встрече, что ему нужно время, чтобы поработать в тишине и покое. Он не заинтересован в новых знакомствах, гостях или туре по городу. Дружелюбно? Не очень-то. Интригующе? О да.

Что она может поделать, если этот высокий, темноволосый, раздражительный мужчина привлекает ее? Странно, конечно, учитывая, что ее покойный супруг был голубоглазый улыбочивый блондин, легкий в общении. А вот в Мике нет ничего легкого.

– Вы не любите детей?

Он бросил на нее взгляд.

– Я этого не говорил. Я сказал, что слышу их. Они шумные.

– Разве вы не говорили на прошлой неделе, что в Баннере слишком тихо? – улыбнулась она.

Он кивнул.

– Очко в вашу пользу.

– Хорошо. Люблю выигрывать.

– Одно очко еще не победа.

– А сколько тогда надо для победы?

Сдержанная улыбка искривила его губы, затем снова увяла.

– Как минимум одиннадцать.

Ух ты. Полуулыбка появилась и исчезла так быстро, словно ее и не было. Но все же внутри у нее все сжалось, во рту пересохло. Келли сделала глубокий вдох. Надо сосредоточиться на теме разговора, а не на том, что он с ней делает.

– Как в пинг-понге, – сказала Келли, вымученно улыбаясь.

– Типа того.

– Ну хорошо, – отозвалась Келли, поерзав в кресле и задев в процессе его руку, – ей просто надо было убедиться, что она может коснуться его и не сгореть. – Тогда один – ноль в мою пользу.

Он скептически покачал головой.

– Вы правда собираетесь вести счет?

– Вы первый начали. Дали мне очко.

– Правильно. Я запишу.

– Нет нужды, я запомню. – Она огляделась по сторонам, это было безопаснее, чем смотреть на него. Затем улыбнулась про себя. Ей удалось вовлечь его в разговор и все время гнуть свою линию. Лишь бы воображение и чертовы бабочки не столкнули ее с верного пути.

А пока этого не произошло и эмоции находятся под контролем, она может управлять Мистером Притягательность.

* * *

Несколько следующих дней Келли была слишком занята, чтобы много думать о Мике. И это хорошо, убеждала она себя. Потому что с тех пор, как они вернулись из поездки за тыквами, Мика исчез, и она поняла намек.

Он явно хотел, чтобы она знала, что их короткая вылазка была исключением из правил. Он снова спрятался в своей норе и не показывался наружу. И это к лучшему, она уверена. Ей проще сосредоточиться на своей жизни, своих обязанностях, когда она видит Мику только во сне.

Конечно, спокойный сон на этом кончился, но устала она еще до этого. У нее ведь никогда прежде не было таких всепоглощающих, таких чувственных, таких сексуальных снов. Она ненавидела просыпаться такой горячей и ненасытной. Ненавидела признавать, что все, чего ей хочется, – это вернуться обратно в постель и заснуть.

«Даже не начинай думать об этих снах, или ты вообще ничего не сделаешь сегодня», – честно сказала она себе.

Днем было не так сложно запихнуть Мику на задворки сознания, поскольку она делала столько дел сразу, что едва успевала переключаться с одного на другое. И это, к счастью, не давало ей ни малейшей возможности сидеть и размышлять, настолько ли реальный секс с Микой хорош, как в ее снах.

Хотя если бы это было так, она едва ли пережила бы этот опыт. «И все же было бы интересно попробовать», – подумала она.

Келли помотала головой, погрузила кисточку в оранжевую краску, стряхнула излишки и закрасила первую из тыкв в центре витрины «Кофейной пещеры». Из всех дел это было ее любимое. Она обожала раскрашивать витрины к праздникам.

Кроме того, она была контент-менеджером, вела сайты для нескольких местных бизнесменов, и еще риелтором, который только что продал дом той самой семье из Калифорнии. Она была садовником и ландшафтным дизайнером, а сейчас еще всерьез подумывала о том, чтобы баллотироваться в мэры на следующих выборах, поскольку была в ужасе от того, что нынешний мэр собирался сделать с центром города. Келли отложила кисть и погрузилась в раздумья.

Она получила диплом экономиста, но, окончив университет, не захотела связывать себя какой-то одной профессией. Ей нравилось разнообразие, нравилось быть самой себе начальником. Когда она решила, что у нее будет сразу несколько работ, некоторые друзья сочли ее сумасшедшей. Но Келли помнила, как ее подбадривал Шон, побуждавший делать что угодно, лишь бы она была счастлива.

Мысль о Шоне согрела ее, словно теплый бриз в холодный день. В сердце слегка кольнуло от боли. Она все еще скучала по нему, хоть его образ уже стал несколько расплывчатым, как акварельный рисунок, оставшийся под дождем.

Она ненавидела это. Казалось, она предала Шона, позволив его облику померкнуть в ее глазах. Но продолжать жить в вечной боли тоже было невозможно. Время идет, хочешь ты того или нет. И ты или справляешься, или погибаешь.

На этой оптимистичной ноте Келли подняла глаза и оглядела главную улицу. Сейчас ей уже лучше. Баннер – чудесный городок, в нем хорошо жить. Приехав сюда восьмилетней девочкой с разбитым сердцем, она влюбилась в город, леса, реки, водопады и людей.

Да, Баннер не Эдинбург или Оксфорд, но он... уютный. Большинству его кирпичных домиков больше ста лет. Тротуары здесь узкие, но чисто выметенные, и каждый старый фонарный столб может похвастаться корзиной осенних цветов у основания. Скоро на улицах появятся приметы Рождества, гирлянды и другие украшения, а когда выпадет снег, городок будет выглядеть как праздничная открытка. Так что да, она хотела бы путешествовать, но она всегда будет возвращаться домой, в Баннер.

Кивнув себе, Келли повернулась к витрине и быстро нанесла остатки краски на нижнюю часть стекла.

– Выглядит потрясающе.

Келли обернулась и улыбнулась своей подруге.

Терри Бейкер, владелица кафе, делала лучшие булочки с корицей в штате. Со своими короткими черными волосами, голубыми глазами и ростом пять футов два дюйма Терри напоминала эльфа. И это ни капли не казалось Келли смешным.

Они дружили с третьего класса, и с годами в их отношениях ничего не изменилось. Терри поддерживала Келли, когда умер Шон. Сейчас, когда мужа Терри, военного, передислоцировали в третий раз за четыре года, настала очередь Келли поддерживать подругу.

– Спасибо, но еще много впереди, – сказала Келли, оглядывая витрину и подыскивая место для пары маленьких тыкв.

– Поэтому я принесла латте только для тебя. – Терри протянула подруге кружку.

– «Поэтому»? – Келли взяла кофе, сделала глоток и вздохнула в предвкушении. – Снова читаешь «Британские тайны»?

– Нет. – Терри засунула руки в карманы джинсов. – С моей унылой личной жизнью я каждый вечер смотрю «Британские тайны» по телику.

– Личная жизнь переоценена, – заявила Келли.

– Правильно, – кивнула Терри. – Кого ты пытаешься убедить? Меня? Или себя?

– Ясное дело, себя. В настоящий момент из нас двоих мужчина есть только у тебя.

Терри прислонилась к розовой кирпичной стене здания.

– У меня тоже все равно что нет, поверь. Невозможно заниматься виртуальным сексом по айпаду, когда половина команды Джимми может войти в любой момент.

Келли рассмеялась, взяла другую кисть и нарисовала длинный зеленый побег, связывающий тыквы.

– Да, это, конечно, неловкая ситуация.

– Это ты мне говоришь? Помнишь, когда он внезапно позвонил на мой день рождения и я выпрыгнула голая из душа, чтобы ответить? Я до сих пор слышу свист и улюлюканье его друзей, которые в тот момент были рядом.

Все еще смеясь, Келли заметила:

– Что ж, это отучит Джимми делать тебе сюрпризы.

– Без шуток. Теперь мы назначаем телефонные свидания, – ухмыльнулась Терри. – Но хватит обо мне. Я слышала, вы с писателем выезжали на долгую прогулку на днях.

– Откуда ты... – Келли остановилась, сделала глубокий вдох и кивнула. – Правильно. Салли.

– Они с сестрой пришли вчера ко мне на чашку кофе и все рассказали, – призналась Терри, изучающе глядя на подругу. – Вопрос в том, что если тут есть о чем говорить, то почему я еще об этом не знаю?

– Потому что знать тут нечего, – ответила Келли, вновь сконцентрировавшись на витрине. Она добавила глубины и яркости извивающимся стеблям. – Он всего лишь отвез меня за тыквами.

– Ну да, ну да. Салли сказала, вас не было почти два часа. Либо ты слишком придирчиво выбирала тыквы, либо было что-то еще.

Келли вздохнула:

– Мы немного проехались.

– Ну да, ну да.

– Я показала ему окрестности.

– Ну да.

– Ничего не произошло.

– А почему?

Келли помолчала. Двое ребят на скейтбордах внезапно выехали на улицу с криками, которые ее напугали.

– Что?

– Дорогая, – сказала Терри, подойдя к подруге и обняв ее за плечи. – Шона нет уже четыре года. А ты не была ни на одном свидании за это время. Сейчас этот симпатичный парень снял особняк на полгода, и ты не собираешься ничего предпринять?

Улыбнувшись, Келли снова помотала головой:

– А что я должна делать? Связать его и изнасиловать?

Взгляд Терри стал мечтательным.

– М-м-м...

– О, перестань.

И тем не менее от одной мысли об этом волна жара окатила Келли. Она наслаждалась ею секунду-другую, прежде чем мысленно погасить огонь.

Честно говоря, она не нуждалась в том влечении, которое испытывала к Майку. Он явно в ней не заинтересован, а она на своем веку уже любила и потеряла любовь. Так что ее вообще не интересуют романы. Любого рода.

– Хорошо, – сказала Терри усмехаясь. – Если ты хочешь спрятаться в шкафу, завернувшись в саван, или что-то в этом духе, я ничего не могу поделать. Но, клянусь, если ЦРУ понадобятся шпионы, я порекомендую Салли и Марджи. Эти двое не упускают ни одного события в городе.

Келли повезло жить как раз напротив сестер. Шон, бывало, посмеивался, когда видел двух престарелых леди, уткнувшихся носами в окно. Он хватал Келли в охапку, начинал безудержно целовать и приговаривал: «Они так любопытны, потому что их никто не целовал. Давай подкинем им тему для разговора».

Это воспоминание вызвало у нее грустную улыбку. Вспоминать Шона было не только приятно, но и грустно. Она слишком много потеряла в этой жизни.

Сперва родителей, когда она была совсем ребенком, потом дедушку, потом Шона. Хватит с нее. Единственный способ гарантировать себе отсутствие боли – никогда больше ни с кем не сближаться.

У нее есть Терри. Бабушка. Пара хороших друзей.

Разве нельзя обойтись без мужчины?

Образ Мики всплыл в ее сознании, и она услышала тихий голосок внутри, который прошептал: «Он здесь временно, так почему бы этим не воспользоваться? Нет будущего – нет риска».

Да, Мика задержится в Баннере всего на четыре месяца, так что тут нет никаких «если бы».

Не надо думать об этом.

Разумеется. Это сработает.

– Знаешь, – сказала Терри, прерывая этот поток сознания, – у Джимми в команде есть парень, который тебе может понравиться...

– О нет. – Келли покачала головой. – Не начинай, Терри. Никакого сватовства. Ты же знаешь, это редко хорошо заканчивается.

– Он милый парень, – возразила подруга.

– Я уверена, он просто сказочный принц. Но не мой принц. Я не ищу мужчину.

– А стоило бы. – Терри скрестила руки на груди.

– Разве не ты только что сказала, что ничего не можешь поделать с тем, что я решила замуровать себя в шкаф?

– Терпеть не могу видеть, что ты все время одна.

– Ты тоже одна, – напомнила ей Келли.

– Временно. Джимми вернется домой через пару месяцев.

– Рада за тебя. – Келли намеренно повернулась к своим рисункам. Она взяла желтую краску и кисть и нарисовала глаза у первой тыквы – чтобы казалось, будто внутри ее горит свеча. – У меня был муж, Терри. Другого я не хочу.

Краем глаза Келли заметила, что плечи подруги поникли.

– Я не говорю, что хочу, чтобы ты вышла замуж.

– Но ты хочешь.

– Не суть, – упрячилась Терри. – Милая, я знаю, потерять Шона было ужасно. Но ты слишком молода, чтобы похоронить себя заживо вместе с ним.

Терри слишком часто говорит одно и то же в последние два года. Она просто не понимает, что Келли полна решимости избежать боли и риска, которые она ей предлагает. Любить прекрасно. Терять – разрушительно, а она достаточно уже потеряла, спасибо.

Келли посмотрела на подругу и улыбнулась:

– Честно говоря, ты хуже, чем бабушка.

– Это запрещенный прием, – пробормотала Терри. – Она все еще беспокоится о тебе?

– С тех пор как умер Шон, все больше с каждым годом. Постоянно поднимает тему своего переезда сюда, чтобы мне не было одиноко.

– О боже, – вздохнула Терри. – Я думала, ей нравится жить во Флориде с сестрой.

– Нравится. – Келли наклонилась, чтобы нарисовать лица трем оставшимся тыквам. – Они играют в лото и путешествуют с клубом пенсионеров. Она отлично проводит время, но потом начинает беспокоиться обо мне и...

Ее мобильный внезапно зазвонил, и Келли вытащила его из кармана джинсов. Увидев номер, она вздохнула и выразительно посмотрела на Терри.

– Вот стоило только о ней заговорить...

– Бабушка? Правда? – От удивления глаза Терри стали как блюдца. – Блин, ее слух стал еще острее, чем раньше, раз она во Флориде слышит, что мы о ней говорим!

Келли рассмеялась. С чувством вины она переадресовала звонок в голосовую почту.

– Серьезно? – удивилась Терри. – Ты не собираешься с ней говорить?

– Мне вполне достаточно на сегодня одного разговора о моей несчастной личной жизни.

– Ладно. – Терри подняла руки вверх, сдаваясь. – Я отстану от тебя. Пока что.

– Спасибо. – Келли засунула телефон обратно в карман, пытаясь подавить угрызения совести из-за неотвеченного звонка.

– Но, – добавила Терри, прежде чем уйти обратно в кофейню, – только потому, что тебя не интересуют постоянные отношения. Что не означает, что ты не можешь наслаждаться временными.

Подруга ушла, а Келли снова впала в задумчивость. Временные отношения... Вернувшись к своим тыквам, она все еще размышляла на эту тему, и, когда в голове сложился примерный план действий, на ее губах заиграла загадочная улыбка.

Глава 3

Мика ненавидел готовить, но давно понял, что человек не может жить исключительно на сухом пайке. Особенно если ты поселился на задворках мира и не можешь заказать ничего, кроме пищи. Он сделал глоток пива и перевернул пасту, жарившуюся в сковородке с оливковым маслом и чесноком. Добавил порезанные помидоры и рубленый бифштекс, перемешал все лопаточкой. Пахло аппетитно. Многие решили бы, что для обеда слишком рано, но он никогда не ел по расписанию.

В последние несколько часов он погрузился в свою книгу, едва замечая бег времени. Как всегда, когда поток слов иссяк, он выполз из своей норы, как гризли, после шестимесячной спячки.

– Привет!

Мика обернулся и посмотрел на открытую дверь. Прохладный воздух в этот час дня так приятно освежал. Но, конечно, если бы он знал, что его ждет вторжение, держал бы дверь запертой. Слишком поздно. На пороге стоял мальчик и смотрел на него. Ему было никак не больше трех-четырех лет. Каштановые волосы растрепал ветер. Карие глаза широко распахнуты и светятся любопытством, на коленках джинсов грязь, как и на кроссовках.

– Ты кто? – спросил он мальчугана.

– Джейкоб. Я вон там живу. – Малыш махнул рукой в сторону соседнего дома. – Я могу навестить мою тыкву?

Какое-то время шкварчание сковородки было единственным звуком в комнате. Мика смотрел на ребенка и понимал, что он из той компании, что шумит в саду Келли. Но это все еще не объясняло, почему мальчик оказался здесь и разговаривает с ним.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня?

– Потому что Келли сейчас нет, а мне надо спросить кого-нибудь из взрослых, а вы взрослый.

С такой логикой Мика не мог поспорить.

– Да. Конечно. Иди, не стесняйся.

– Хорошо. А что вы делаете? – Джейкоб подошел ближе.

– Готовлю еду. – Мика еще раз посмотрел на мальчика и направился к сковородке. – Иди к своей тыкве.

– Ты тоже голодный? – Мальчик с надеждой посмотрел на него.

– Да, так что тебе надо идти домой, – ответил Мика. – Пообедать. – Который сейчас час? Он выглянул в окно. Похоже, дело к вечеру. – Или поужинать.

– Мне надо сперва тыкву навестить и сказать ей спокойной ночи.

Это было что-то новое для Мики. Прощание с овощами. Но мальчик казался таким... искренним. И таким трогательным в своих грязных штанишках, с широко распахнутыми карими глазами. Мика не имел дела с детьми. Никогда. Даже когда сам был ребенком.

Он держался особняком. Никогда не имел друзей, потому что не мог их удержать. Перезезды с места на место мешали приемному ребенку заводить друзей. Так что он вместо этого погрузился в чтение, читал каждую книгу, которая попадала ему в руки, и ждал восемнадцати, чтобы можно было жить по-своему.

Но сейчас, глядя в огромные глаза малыша, Мика чувствовал вину за то, что пытается избавиться от ребенка. Это было необычное для него чувство, он едва себя узнавал.

– Ну хорошо, иди скажи своей тыкве спокойной ночи.

– Вам надо открыть мне калитку, потому что я слишком маленький.

Закатив глаза, Мика вспомнил белую изгородь с калиткой, окружавшую огород Келли. Она говорила ему как-то, что это защита от оленей и кроликов. Олень, конечно, легко мог

перепрыгнуть низенький заборчик, но она хотела затруднить путь воришек к своим овощам как можно больше. Вздохнув, Мика уменьшил под сковородкой огонь и попрощался с ужином.

– Ладно. – Он посмотрел на мальчика. – Пойдем.

Лицо Джейкоба осветила улыбка.

– Спасибо!

Он вышел из комнаты, спустился по ступенькам и направился к огороду. Мика шел вслед за ним и наслаждался видом осенней природы. Вокруг него полыхали всеми оттенками красного и золотого осенние деревья, их оттеняли темно-зеленые сосны, росшие в лесу позади дома, и Мика лениво придумал еще одно убийство, в глухой чаще.

– Тело может найти какой-нибудь ребенок, мальчик, – бормотал он, рисуя новую сцену в воображении. – Он испугается. Но насколько сильно? Расскажет ли он кому-то об этом? Он побежит за помощью или кинется домой и спрячется?

– Кто?

Вернувшись в реальность, Мика посмотрел на Джейкоба, который с любопытством таращился на него.

– Что?

– Кто побежит домой? Он напуган? Это мальчик? Мой брат говорит, что мальчики ничего не боятся, только девочки.

Мика фыркнул:

– Твой брат ошибается.

– Я тоже так думаю, – кивнул Джейкоб, отчего его кудряшки упали на лоб. Он убрал их грязной рукой. – Джона боится иногда, а Джошуа спит со светом.

– Угу. – Как-то многовато информации для одного раза. Интересно, есть ли у ребенка кнопка выключения?

– А мне нравится темнота. Я только иногда боюсь. – Джейкоб нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Это хорошо.

– А ты боишься?

Нахмурившись, Мика посмотрел на мальчика.

Сначала хотел сказать, что нет. Но потом передумал.

– Все иногда чего-то боятся.

– Даже папы?

О папах Мика ничего не знал в принципе, но подозревал, что по-настоящему сильно напугать мужчину может только страх за своих детей.

– Да, – сказал он. – Даже папы.

– Ух ты, – задумчиво кивнул Джейкоб. – У меня есть кролик, я его обнимаю, когда боюсь. Не думаю, что у папы тоже есть такой.

– Кролик? – Мика изумленно помотал головой.

– Ненастоящий, – пояснил Джейкоб. – Настоящих сложно держать.

– Конечно, – с готовностью кивнул Мика.

– И они много какают.

Мика сдержал улыбку. Мальчик был такой серьезный. Ему, наверное, не понравилось бы, что над ним смеются. Интересно, все дети такие забавные, как он? И что насчет правила не разговаривать с незнакомцами? Оно больше не действует? Родители не учат детей остерегаться чужих?

– Вот! – воскликнул Джейкоб, указывая рукой на огород. Он подбежал к калитке и подождал, пока Мика откроет ее. После этого малыш рванул к одной из дюжины тыкв на грядках.

Мика пошел за ним – не смог с легким сердцем оставить ребенка здесь одного.

– Которая твоя?

– Эта. – Джейкоб наклонился и погладил самую жалкую тыкву из всех, что когда-либо видел Мика.

Она была меньше остальных, но дело было даже не в этом. Ко всему прочему, тыква была похожа на нелепый бугристый футбольный мяч. Она была скорее бледно-желтой, чем оранжевой, а на верхушке у нее был нарост, похожий на опухоль. В магазине на нее никто бы и не взглянул, но этот мальчишка относился к ней очень нежно.

– Почему эта? – Мике и впрямь было интересно, что заставило ребенка выбрать именно эту корявую штуковину.

– Потому что она самая маленькая, как я. – Малыш посмотрел на остальные круглые, оранжевые, идеальные тыквы. – И она сама по себе, в стороне. Ей, наверное, одиноко.

– Одинокая тыква. – Мика не мог сказать, что его тронуло это утверждение, но мальчик нравился ему все больше.

– Ага. Она никому не нравится, только мне. Я помогу маме нарисовать на ней веселое лицо на Хеллоуин, и тогда тыкве будет хорошо.

Ребенок беспокоится о настроении тыквы. Мика просто не знал, что и сказать. Когда он сам был маленьким, он никогда не отмечал Хеллоуин. Не было ни костюмов, ни сладостей, ни игры с мамой в волшебную тыкву.

У Мики было лишь одно смутное воспоминание о матери. Она была красивой – по крайней мере, он так себе говорил, потому что ее образ был слишком смазанным, чтобы утверждать наверняка. У нее были каштановые волосы, карие глаза, как у него. Она присела напротив него на тротуаре, улыбаясь, хотя в ее глазах стояли слезы. Мике было около шести, лишь немногим больше, чем Джейкобу. В Нью-Йорке на улице было много машин и людей. Он проголодался и замерз, а его мама пригладила ему волосы и прошептала: «Тебе придется остаться здесь без меня, Мика».

В нем зародился страх, когда он посмотрел на грязное серое здание позади них. Темные окна напоминали пустые глазницы, хмуро уставившиеся на него. Взволнованный, он прикусил нижнюю губу и посмотрел на мать.

– Но я не хочу. Я хочу остаться с тобой.

– Это ненадолго, малыш. Ты останешься здесь, в безопасности, и я вернусь за тобой, как только смогу.

– Я не хочу безопасности, мамочка, – прошептал он сквозь слезы. – Я хочу пойти с тобой.

– Ты не можешь, Мика. – Она поцеловала его в лоб, встала и посмотрела на него. Сделала шаг назад. – Так надо. Будь хорошим мальчиком.

– Я буду хорошим, если пойду с тобой, – пообещал он. Он потянулся за ее рукой, обхватил маленькими пальчиками ладонь и крепко сжал ее, словно мог удержать.

Но она лишь проводила его вверх по лестнице, постучала в дверь и пожала пальцы Мики, прежде чем отпустить. Его охватила паника, слезы полились пуще прежнего, и он вытирал их рукавом курточки.

– Не уходи...

– Жди здесь, пока не откроют дверь, понял?

Он кивнул, хоть и не понял. Почему они здесь?

Почему она уходит? Почему она не хочет взять его с собой?

– Я вернусь, Мика. Скоро. Обещаю. – После этих слов она развернулась и ушла.

Он смотрел, как она удаляется, переходит дорогу и теряется в толпе. Позади него открылась дверь, и леди, которую он не знал, взяла его за руку и провела внутрь.

Его мать так никогда и не вернулась.

Мика очнулся от воспоминаний, в которые погрузился благодаря малышу. Это были дела давнего прошлого. Ужасный для него день. Он был уверен, что не задержится надолго в том

доме. Так сказала его мама. В первый год он и впрямь ждал ее с ночи до утра. После этого надежда стала более хрупкой, пока наконец совсем не увяла.

Поступок его матери, ее обман, до сих пор жил в уголках сознания и всегда служил напоминанием, что не стоит доверять никому на свете.

Но здесь, в Баннере, это предостережение стало звучать тише, чем когда-либо. Глядя, как Джейкоб тщательно очищает грязь со своей тыквы, Мика понял, что, приехав в это место, словно попал внутрь картины Нормана Роквелла. В место, где дети заботятся о тыквах и разговаривают с незнакомцами, как с лучшими друзьями. Ничего общего с миром, который знал Мика.

Может быть, именно поэтому он чувствовал себя таким отстраненным.

Вот так Келли и нашла их. Мальчика, стоявшего на коленях в грязи, и мужчину рядом с ним, с отсутствующим выражением лица, словно он пытался понять, как он сюда попал. Улыбнувшись, Келли вылезла из своего грузовичка и направилась к саду. Мика заметил ее, и их взгляды встретились. Келли почувствовала, как ее обдало жаром, колени подогнулись, но она продолжала идти. Признаться, ее удивило, что Мика стоит с Джейкобом среди тыкв. Ей казалось, он не из тех, кто найдет время для чужого ребенка. Он был такой закрытый, такой неприступный, что, увидев его сейчас рядом с малышом, она неожиданно испытала теплое чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.